

ВАСИЛИЙ
ЗАЙЦЕВ

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

ПРОФЕССИЯ
СНАЙПЕР

Профессия (Алгоритм)

Василий Зайцев
Записки снайпера

«Алисторус»

1956

УДК 355/359
ББК 68.35(2)62

Зайцев В. Г.

Записки снайпера / В. Г. Зайцев — «Алисторус»,
1956 — (Профессия (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-424-2

Более 240 уничтоженных солдат и офицеров противника, два авторских учебника по стрелковому мастерству и колоссальный опыт уличных боев - все это на счету у знаменитого советского снайпера Героя Советского Союза Василия Григорьевича Зайцева. Во время Сталинградской битвы он обучил десятки красноармейцев 62-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова попадать с первого выстрела. Именно ему принадлежит вошедшая в историю фраза «Для нас за Волгой земли нет!» Методики Василия Зайцева российские снайперы используют и сегодня. В своих записках он рассказывает о школе боевого мастерства и раскрывает перед читателями секреты снайперского искусства.

УДК 355/359
ББК 68.35(2)62

ISBN 978-5-00269-424-2

© Зайцев В. Г., 1956
© Алисторус, 1956

Содержание

Глава 1. Детство и юность	6
Глава 2. Тельняшки под гимнастерками	11
Глава 3. Переправа	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василий Зайцев

Записки снайпера

© Зайцев В. Г., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Глава 1. Детство и юность

Все помнят свое детство, рассказывают о нем кто с горечью, кто с умилением и гордостью – вот какие были у меня детские годы! – но мне еще ни разу не доводилось слышать определения границ детства. Не помню их и я. Почему? Вероятно, потому, что первый исходный шаг в детство делался неосмысленно и он не оставил никакого следа в памяти, а выход из него в юность совершился незаметно с грузом тоже не очень осмысленных, но привычных детских взглядов на жизнь. Не зря же говорят – «Взрослые дети». В каком возрасте называют их так – сказать трудно, если каждый из них не признается, хотя бы самому себе, что заслужил такой похвалы, к счастью, не в двадцать, а в десять или двенадцать лет. Бывают, конечно, дети и постарше двадцати лет, но таким детством едва ли пристойно гордиться.

В моей памяти детство обозначено словами деда Андрея, который взял меня с собой на охоту, там вручил мне лук с самодельными стрелами и сказал:

– Стрелять надо метко, каждому зверю в глаз. Теперь ты уже не ребенок.

Дети охотно играют во взрослых, но мне было не до игры: в лесу водятся не игрушечные звери, а настоящие, чуткие, проворные. Хочешь разглядеть, скажем, козла – какие у него уши, рога, глаза – сиди в засаде так, чтоб он смотрел на тебя, как на клочок сена или кустик смородины. Лежи, не дыши и ресницами не шевели. А если пробираешься к лежке зайца, старайся ползти с подветренной стороны и так, чтоб под тобой не хрустнула ни одна травинка. Срастайся с землей, припадай к ней кленовым листом и двигайся незаметно. Ведь тебе надо поразить зайца метким выстрелом из лука. Подползай вплотную, иначе твоя стрела уйдет мимо цели...

Деды любят внуков сильнее, чем отцы сыновей. Почему так происходит – могут пояснить только сами деды. Мой дед – Андрей Алексеевич Зайцев, потомственный охотник, – выбрал меня в любимцы как первенца из наследников своего сына Григория – отца одной дочери и двух сыновей. Я был самым старшим и рос очень туго. В семье так и думали, что останусь коlobком, аршин с шапкой. Однако деда не смущал мой маленький рост, и он вкладывал в меня весь свой охотничий опыт полной мерой, с нескрываемой любовью и пристрастием. Мои неудачи переживал почти со слезами. И видя это, я платил ему старанием – делал все так, как он велел. Учился читать следы зверей, как умную книгу, выслеживал лежки волков, медведей, строил засады так, что дед не мог обнаружить меня, пока я не подавал ему голос. Такое преуспевание очень нравилось опытному охотнику. Однажды он, как бы благодаря меня за успехи, пошел на риск: на моих глазах убил волка деревянной колотушкой. Дескать, смотри, внук, и учись, как надо смело и спокойно расправляться с хищным зверьем. А потом, когда волчья шкура уже лежала у моих ног, он сказал:

– Видишь, как ловко получилось: пулю сэкономили, и шкура без пробоин, пойдет по первому сорту.

Прошло еще немного времени, и мне удалось заарканить дикого козла. Ух, как рванулся козел, когда я накинул на рога петлю из конопляной бечевки. Он выдернул меня из засады и поволок по кустам, норовя вырвать из моих рук конец бечевки. Но не тут-то было. Я зацепился телом за комли разлапистого куста – держу! Козел метнулся вправо, влево, затем обогнул куст раз, другой и, наконец, припал на колени возле меня. Как был рад дед такой удаче. Я плакал от радости, а он улыбался и целовал мои мокрые от слез щеки.

На другой день дома в присутствии моего отца, матери, бабушки, сестры и брата дед вручил мне ружье – одноствольную берданку двадцатого калибра. Настоящее ружье с боевыми патронами в патронташе с пулями, картечью и дробью на рябчиков. Повесил на мое плечо. Приклад до пяток, но я уже не мог считать себя мальчишкой. К таким настоящим ружьям детям даже не позволяют прикасаться.

В ту пору мне было всего лишь двенадцать лет. Повзрослел за один день: аршин с шапкой, но за плечами настоящее ружье! Случилось это в двадцать седьмом году в доме деда, на берегу лесной речушки Сарам-Сакала, Еленовского сельсовета Южно-Уральской области.

Я стал почти взрослым человеком, точнее самостоятельным охотником. Тогда отец, вспомнив службу у Брусилова, сказал:

– Расходуй патроны экономно, учись стрелять без промаха. Это умение может пригодиться не только на охоте за четвероногими...

Он будто знал или предугадывал, что его старшему сыну доведется выполнять этот наказ в огне самого жестокого сражения за честь нашей Родины – в Сталинграде.

Вместе с ружьем я принял от деда грамоту таежной мудрости, любовь к природе и житейский опыт.

Бывало, сидит старик среди леса на пеньке, покуривает самосад из любимой трубки, пристально смотрит в одну точку на земле и поучает, не торопясь:

– Ты вышел в лес зверя промышлять. Посиди, осмотришься, установи, кто в этом лесу был в твое отсутствие. Скинь с головы малахай, прислушайся к птичьему разговору, определи жизнь в лесу. Торопливый разговор сорок – это серьезное предупреждение о наличии серьезного гостя – будь наготове. Если птичий разговор приближается, нужно занять выгодное положение, притаиться и ждать: зверь идет на тебя. Замри. Не шелохнись. Из леса на кордон возвращайся поздней ночью, чтобы лишние глаза не видели твоей добычи. Никогда сам не хвались, лучше больше трудись, – наказывал дед, – пусть твое дело тебя похвалит.

Дед умел внушить свои убеждения не только детям, но и взрослым.

Минуя жилой дом, мы несли свою добычу в охотничью избу. В этой избе жили только мужики. Изба была большая. Она разделялась на две части бревенчатой стеной: мясной склад и спальня. Зимой склад был забит тушками мяса. Висело несколько сот голов мороженой птицы.

Дед, я и мой двоюродный брат Максим спали на полатах. Под нами шкуры убитых зверей. Была и кровать для дневного отдыха деда. На кровати, кроме волчьих шкур да меха с разных зверушек, другой одежды не было.

Перед религиозными праздниками в эту избу собирались все родственники. У дедушки были свои святые и свои боги, которых он почитал и которым поклонялся. Бабушкиных святых и богов он не признавал, им не поклонялся, но и не обижал, из дома не выбрасывал. Так и жили в нашей семье две веры. Одна вера проповедовала: «Не убей, не укради, не лги, почитай и покоряйся старшим; бог милостивый с небесной высоты видит все». Судя по проведи бабушки Дуни, человек бессмертен: «Когда душа расстается с телом, тогда тело идет на покаяние, а душа летит, как голубь, на суд праведный. Вот на этом суде спросят, как ты жил на земле, много ли грешил. От поведения на земле зависит жизнь твоей души на том свете. Будешь ли в аду кипеть или в раю наслаждаться – зависит от земного поведения...»

Конечно, мы с Максимом старались все делать так, чтобы в рай небесный наши души жить попали. Однако вера дедушки была другая. Он говорил:

– Не может два раза жить ни человек, ни зверь. Вот вы сегодня убили козла, шкуру с него сняли плохо, дали два пореза, следующий раз так сделаете, то я на ваших спинах оставлю рубцы, вы так с ними и будете ходить по земле до конца жизни.

Сидели мы в углу, затаив дыхание, зная характер дедушки, который продолжал спорить с бабушкой по-своему:

– Так вот, шкуру вывесили на мороз, по ней бегали разные птички, крошки мяса собирали. Больше на шкуре ничего нет. Душу вы видели там?.. А?

Мы сидели молча, как два сурка, хлопали глазами. А дедушка Андрей Алексеевич все больше горячился:

– Что молчите? Я спрашиваю вас, душу, ту самую, о которой вам говорят, вы видели?

Я ответил:

– Нет, не видели.

– Ну раз не видели, значит, никакой души на свете нет. Есть шкура, мясо и потроха. Шкура висит на морозе, мясо варится в котле, потроха собаки сожрали. Запомните, ребятки, что душа, дух – все это выдумки. И бояться ничего не надо. Лесной человек страха не знает. Если у кого страх в глазах замечу – шкуру спущу!

Максим старше меня на десять лет. Однако в борьбе и потасовке я ему не поддавался, а когда чувствовал свое поражение, начинал царапаться и кусаться. Максим отступал, и это радовало дедушку. Как ни крути, я его любимый внук. Бить меня в семье никто не мог, это право дедушка другим членам семьи не передавал. Но мне попадало от деда. Он бил меня за самохвальство, за ложь и ябедничество, бил и за проявление трусости.

Сестра Полина часто упрекала за то, что от нас пахло псиной, как от зверей. Она и в самом деле была права: зимой мы находились больше среди зверей, чем среди людей. Руки, лицо, одежда, оружие, капканы – все смазывалось барсучьим жиром. После такой консервации железо теряет свой запах.

Каждое утро начиналось с наказа деда – как мы должны вести себя в лесу.

– Если окажется много зайчишек в пленках и всех сразу донести не сможете, то подвешивайте их на деревья.

Всю эту процедуру мы знали давным-давно, но перебивать разговор старших нам запрещалось.

Выходим, бывало, из дома чуть свет. Под лыжами похрустывает свежий, пушистый снежок. Воздух чистый, морозный. Идем лениво, еще не размялись. Только собаки, как всегда, резвятся на поводках. Они просятся на свободу. Но этого делать нельзя: нужно проверить сначала капканы, а потом отпустить собак.

Вот всего лишь одни сутки таежной жизни.

Утро началось с того, что ближний от нашего кордона капкан утащил волк.

Привязав собак к дереву, Максим вернулся домой за ружьем, я остался проверять пленки на зайцев.

Солнце всходило в столбах. По бокам красного шарика горели красивой расцветки круги радуги. Мороз крепчал, мерзли у собак лапы, и они повизгивали. Наконец вернулся Максим.

Заложив патроны в ружье, мы направились по следу волка с капканом.

У Максима часто болели глаза, от мороза текли слезы, поэтому первый выстрел был поручен мне. Мороз подгонял. У нас на Урале в такие дни говорят: «Морозец не велик, но стоять без дела не велит».

По следу определили, что зверь попал передней правой лапой. Капкан захватил ее высоко, поэтому волк шел на трех ногах.

Волк попался умный, шел по таким местам, где меньше снега. Когда якорь, привязанный к петле капкана, задевал за какой-то предмет, зверь возвращался назад, шел строго по своему следу, потом возвращался и снова шел в одном направлении, выбирал глухие просеки, обходил глубокие болота. Ни одной своей лежки не оставил.

Увлечшись погоней, мы не заметили, как приблизились вечер. Чувствовалась усталость, ломило поясницу, хотелось есть.

Максим вытаскивает из-за пояса топор, делает на деревьях затесы, чтоб не заблудиться. Невеселый, даже злой от неудачи, я повернул правее следа брата, и вскоре мои собаки натянули поводки. Я вскинул ружье. Шагах в пятидесяти от меня, среди кустарника, стоял козел-рогач. Стоял задом ко мне. Такая поза козла мне не нравилась. Я немного помедлил, рассчитывал, что он поднимет голову, а он, как назло, стоит без оглядки, жует подснежную траву. Я хорошо прицелился, дал выстрел. От неожиданности козел высоко подпрыгнул, немного пробежал, потом как бы споткнулся, упал на колени. Я отцепил от пояса собак и кинулся за желанной добычей.

Внизу, около болота, мои собаки догнали подстреленного козла и завязали с ним драку. Козел оказался сильным, ловким. Он яростно отбивался от собак рогами. Как ни жалко было, но мне пришлось израсходовать второй патрон. На этот раз пуля попала козлу в голову, и он рухнул на снег.

– Ого, такую тушу мы вдвоем не осилим. Будем подвешивать на дерево, – сказал обрадованно Максим. Помолчав, он распорядился:

– Расчищай снег, делай большую поляну, здесь будем ночевать. Дров носи больше, полянья выбирай толще, костер разводи шире.

На середине поляны я подготовил место для костра, собрал сосновые тонкие сухие прутья, с березы содрал бересту, подобрал сухостойные деревья и начал добывать огонь.

Долго я ударял чекмой вместо камня по пальцам, трут вместе с камнем валился из рук, и все начиналось снова. Хотя пальбы и до крови разбил, но огонь добыл. Над костром заплясали красные языки пламени. Тем временем Максим уже закончил свежевать козла.

Первыми утолили свой голод наши четвероногие друзья. На шомполе жарилось мясо свежего козла. Нам тоже не давал покоя голод.

После вкусного ужина, чрезмерной усталости мне смертельно захотелось спать. Я прицепил за пояс поводки собак, пододвинул к себе ружье, закрыл глаза, плотнее на голову натянул малахай и уснул, как дома на полатах.

Максим оживил костер, подкатился ко мне под бок и тоже захрапел. Весь наш табор спал мирным сном. Только одна небольшая, остроухая, с закрученным в колечко хвостом сибирская лайка Дамка не спала. Она клубочком свилась, но одно ухо было поднято и дежурило, следило за порядком в таборе.

Судя по костру, спали мы недолго. Вдруг залаяла Дамка. Через какую-то долю минуты весь наш стан пришел в движение.

Максим выхватил из костра головешку и бросил в темноту. Собаки умолкли. Я отскочил в сторону и начал вглядываться в темноту. Метрах в ста от нас перемигивались две пары огоньков.

– Волки!

– К мясу пришли, по запаху. Боишься? – сказал брат.

Этот вопрос остро кольнул мое самолюбие.

– Нет, – ответил я и пошел в сторону светящихся огоньков. Шел я медленно, по колено проваливался в снег. Потом какая-то внутренняя сила скомандовала: «Стой! Стреляй!» Я остановился, выстрелил. Гром выстрела раскатисто разнесся по всему лесу. Волков как корова языком слизала. Я снял с головы малахай, наострил слух, затаил дыхание – кругом в лесу стояла тишина. Я снова натянул малахай на голову, подошел к костру. Максим сидел на шкуре, подложив под себя ноги, строгал от козлиной ляжки мясо и надевал на шомпол.

Костер горел хорошо. Углей в огневище набралось много, мясо жарить на таких углях удобно. Однако почему брат не спрашивает, попала моя пуля в зверя или не попала? Я сам себе ответил: «А что ж тут спрашивать, ночью выстрел наугад, конечно, промазал». С этой мыслью я сладко задремал. Проснулся от толчка в бок.

– Вставай, охотник, пора завтракать.

Перед завтраком я взял ружье и решил посмотреть то место, откуда стрелял ночью.

– Ты куда это пошлепал? – недовольным голосом спросил Максим.

– Надо же взглянуть, сколько было волков.

– Поворачивайся быстрее...

Я остановился. На снегу волчьи следы с кровью. Вначале я не поверил своим глазам. Иду по следу. Теперь я уже не сомневался, – пуля попала в цель. Тут же догнал меня Максим.

– Так, говоришь, влепил? Ну-ка, давай посмотрим...

Со стороны казалось, что Максим не разглядывает, а нюхает след. Потом разогнулся, пристально посмотрел на меня, как бы впервые увидел.

– Молодец, братан. Этот волк далеко не уйдет.

У подножия сосновой горы зверь оставил след лежки. Матерый, кровь сочилась из груди.

Поднялись на косогор и тут увидели волка. Он лежал неподвижно. Осторожный Максим, прежде чем подойти к зверю, пустил собаку. Дамка бегала вокруг него и лаяла. Волк не огрызнулся. Максим сильно ударил волка палкой по самому кончику носа. Тело зверя дернулось и вытянулось.

Теперь надо было продолжить поиск волка с капканом. Спустили собак. Прошло несколько минут, и лес огласился собачьим лаем. Они вроде вступили в драку с волком. Нет, там творится что-то непонятное: собаки лают призывно, как бы говоря, вот здесь он, но взять не можем, помогите.

Бежим туда. Максим проворнее меня. Он первый оказался возле собак, которые сию же минуту смолкли. Когда я приблизился к нему, то не поверил своим глазам. Максим держал в руке веревку, другой конец которой спрятался в норе.

– Что бы это значило? – спросил я.

– Это конец веревки от нашего капкана, а волк с капканом сидит в норе. Сейчас выкурим его...

Через полчаса и этот волк лежал у наших ног. Мы одолели его без выстрела, сэкономили один патрон и шкуру не испортили. Все сделали так, как учил дедушка.

Домой вернулись с богатой добычей: две волчьи шкуры, дюжина заячьих тушек и одна россомаха, которую одолели собаки без нашей помощи.

И удивительно, ни дедушка, ни отец, ни мать, ни бабушка, ни старшая сестра, никто из родственников не придавал этому особого значения – обыкновенный эпизод из жизни двух охотников. Ночевали в лесу в трескучий мороз, убили двух волков и вернулись домой – все нормально и привычно. И хоть один из этих охотников был величиною «аршин с шапкой», но он умел хорошо стрелять, значит, и ему дано право называться охотником.

Так из детства я незаметно перешел в юность с ружьем, научился в тайге искусству следопыта по звериным тропам. Потом все это мне очень пригодилось в борьбе с двуногими хищниками, что пришли на нашу землю непрошеными.

Читать и писать учила меня бабушка. В шестнадцать лет я пошел работать на строительство Магнитки. Там окончил вечернюю семилетку, потом поступил на курсы бухгалтеров.

В 1937 году меня призвали в армию. По общему физическому развитию, несмотря на малый рост, я оказался пригодным для службы во флоте. Чему был несказанно рад.

Глава 2. Тельняшки под гимнастерками

Белые и синие полосы флотской тельняшки издавна считаются символом мужества и отваги. Человек в тельняшке замечен далеко. Он не затеряется ни в волнах штормового моря, ни в людском круговороте. Конечно, тельняшка – это лишь внешний признак. Но попробуйте хоть раз надеть ее на себя – сразу появится желание расправить плечи. На твоей груди – синие, под цвет океанской волны, полосы, между ними белизна пенистых штормовых гребней – и все это оживает, движется... Море на груди!

Тельняшка оттеняет твои мускулы, делает их рельефными, и, если ты не «стручок», не хилый духом, тебе непременно захочется проверить себя на каком-нибудь трудном деле. А потом еще и еще... Так и закаляется человек. Вот почему не напрасно говорят, что люди в тельняшках не знают страха, презирают смерть и врага о пощаде не просят.

Тельняшка, тельняшка... Мне выпало счастье породниться с ней осенью тридцать седьмого года во Владивостоке, куда я прибыл вместе со своими земляками-комсомольцами с Урала для службы на Тихоокеанском флоте. Целых пять лет я с гордостью носил тельняшку, готовил себя для сражений в океанских просторах... А воевать довелось на суше. Но и там я, конечно, не мог расстаться с тельняшкой, она по-прежнему помогала мне, только ее синие и белые полосы теперь уже были спрятаны под гимнастеркой пехотинца...

Проще говоря, в сентябре сорок второго года мне и моим товарищам по флоту пришлось расстаться с морской формой: мы стали пехотинцами – бойцами 284-й стрелковой дивизии.

Был моряком, стал солдатом стрелковой части, расположенной в одном уральском городе. И память уносит меня к далеким берегам Тихого океана, где я прослужил пять лет. Вспомнился Владивосток таким, каким увидел его впервые.

Эшелон с новобранцами пришел к станции Владивосток под утро 3 февраля 1937 года. Темнота отступала медленно, воздух редел, все яснее вырисовывались пригородные строения. Мы с радостью оставляли свои прокуренные вагоны-теплушки. Шли по мостовой по два человека. Когда поднялись на гору, то увидели море, покрытое серым панцирем льда.

– А где же морские волны?..

– Разговорчики в строю! – прервал меня старшина.

Прошли несколько кварталов и оказались перед красными воротами, над которыми красовалась надпись: «Гарнизонная баня». Букву «Б» кто-то залепил грязью, и мы читали «Гарнизонная аня».

Вошли во двор. Перед нами, заскрипев тормозами, остановился грузовик. Рядом с водителем сидел рыжий матрос в бушлате. Он рывком отбросил дверь кабины, встал на широкую подножку, большими синими глазами начальственно окинул новобранцев, сдвинул на затылок бескозырку с длинными лентами, как бы говоря: вот я какой. Тут же состоялся весьма привычный разговор.

– Здорово ли приехали, салажатки?

– Благодарствуем. Как бы в дороге ни барахтались да ни скреблись, но до Владивостока добрались.

– Молодцы, видать, хорошими будете моряками.

– Отколева тебе знать, какими мы будем моряками?

– Отколева, отколева, – передразнил матрос. – Складно отвечаешь, да глупо. Ну ничего, пару раз на губе посидишь, тогда быстро поумнеешь.

– А что такое губа?

– Матросский курорт. Направляют туда по выбору. Я по знакомству могу тебе устроить суток пять для начала.

– С кем имеем честь вести речь?

Матрос сделал удивленное лицо, глаза округлились, стали еще больше, и он спросил меня:

– Вы ехали через Хабаровск и разве на подступах к Владивостоку вам не сказали, что все ваше грязное гражданское обмундирование поступает хозбатлеру Николаю Куропию. Николай Куропий – это я...

Мы внимательно слушали матроса-балагура и по своей гражданской неосмотрительности шутили с ним на равных.

– Ну хорошо, это не ваша вина, за эту оплошность я вздую начальника Хабаровского вокзала. А сейчас вам придется немного поработать.

Он провел нас в баню и скомандовал:

– Раздевайтесь до маминого белья...

Прошло несколько минут, и мы, уральцы-земляки, уже не узнавали друг друга. Узелки с нашими костюмами, обувью и рубашками увез Николай Куропий, и вместо него здесь появился старшина, который назвал себя:

– Ильин Василий Георгиевич, – и, помолчав, пояснил: – Без тельняшки нет матроса. Сейчас вы получите их. Но чтобы тельняшка припала к вашему телу надолго, навсегда, необходимо хорошо мыться, остричь мохнатые головы. Чистоплотность – залог здоровья и матросской силы...

Мои товарищи в одном «мамино белье» получили машинки, стригут друг другу головы. Вот и мой чуб повалился клочками волос под ноги. На душе стало грустновато: прощай, чубастая юность...

Кругом шумела вода, пыхтели, кряхтели намыленные здоровенные парни. Таза у меня не было, мочалки тоже не досталось. Ходил я между скамейками, как оглохший. Все кричат, плескаются, радуются, как дети. Только одному мне невесело. Походил-походил, потом сел на угол скамейки и решил немного подождать, пусть, думаю, схлынет основная масса народа, а потом и я помоюсь. Долго засиживаться мне не пришлось: около меня уселся с огромным тазом голый костлявый парень. Тело его было сухое, бугристое, как скрученное из каната.

– А ну-ка, давай, приятель, помоемся вместе.

Я поднял голову и снова увидел добрые, черные глаза старшины Ильина. Я обрадовался:

– Как хорошо, что вы оказались около меня. Это нас сводит судьба.

– Может быть, и судьба, только я смотрю, сидишь ты один, а у меня нет напарника, вот я и подсел к тебе. Ты мой себе голову, а я буду мылить и мыть свои телеса, а потом сделаем наоборот.

После парной и душа он же – старшина Василий Ильин – вручил мне тельняшку, даже помог мне надеть ее. И будто в самом деле она прикипела к моему чисто вымытому горячему телу. Синие и белые полоски! Как внушительно подчеркивают они в тебе ощущение собственной силы. Пусть бушует море на твоей груди – выдержи, выстою.

Это ощущение не покидало меня ни в первый, ни во второй год службы на флоте. Наоборот, чем дольше живешь в тельняшке, тем роднее она тебе становится, порой кажется, ты родился в ней и готов благодарить за это родную мать. Да, действительно, как сказал старшина Ильин: «Нет матроса без тельняшки». Она все время зовет тебя к испытанию собственной силы.

Но теперь, после пяти лет службы на флоте, я стал стрелком-пехотинцем.

Случилось это так.

После долгих и настоятельных хлопот об отправке на фронт меня наконец-то включили в список команды морских пехотинцев. К тому времени у меня уже было звание главстаршина. Через несколько дней нас погрузили в эшелоны и – на запад. На фронт! Ох, как долго и нудно перестукивали колеса теплушек. Вот и Урал. Моя родная горная тайга. Здесь я с ранней юности

под руководством дедушки Андрея Алексеевича учился ходить по звериным тропам, стрелять навскидку, ночевать в трескучий мороз под открытым небом у костра...

Но теперь было не до воспоминаний – скорее бы на фронт!

И вдруг эшелон загнали в тупик товарной станции Красноуфимск.

– Выгружайсь! – прокатилось вдоль теплушек.

Надо было видеть лица моряков: зачем это нас, морских волков, сюда загнали, в эту дыру?

Но именно здесь, в Красноуфимске, стояли полки 284-й дивизии. После тяжелых боев в районе Касторной их отвели сюда на отдых.

Команда, с которой я ехал из Владивостока в одной теплушке, была зачислена во второй батальон 1047-го полка. Побывавшие в огне сражений командиры и политработники полка встретили нас хорошо, лишь наши черные бушлаты и широкие брюки, не говоря уж о тельняшках и бескозырках, вызывали у них улыбки.

Через несколько дней снова погрузились в эшелоны. Снова застучали, теперь уже с редкими передышками, колеса теплушек. Перед глазами открывалась необозримая, как море, степь. Мои товарищи скинули бушлаты. Синие полосы тельняшек запестрели во всех вагонах. Сухопутное «море» и «корабль» на колесах. День, ночь, еще день. Впереди – мираж, будто в самом деле к штормовому морю мчимся. Эх, скорей бы!

Но не тут-то было. Эшелон остановился: где-то перед станцией нашего назначения фашистские бомбардировщики разрушили мост.

Мы вывалились из теплушек. Ждем час, другой, третий... Вглядываемся в даль. Там, где-то на самой кромке степного простора, на нижнем обрезе небосклона, бушует что-то непонятное; то все сплошь заволакивают черные тучи, то пробивается сквозь них зарево, и солнце будто дробится огненными осколками.

Ночью совершили пеший марш без дороги, по видному для всех ориентиру – зареву пожаров на краю степи. Казалось, там же и край света.

Но то был Сталинград.

К утру зарево потускнело, зато багрово-темные тучи стали еще гуще. Словно огромный вулкан извергался там, выбрасывая массы огня и дыма. А когда лучи солнца чуть подрумянили просветы между тучами, над источником огня и дыма, как мошкара, закружились самолеты.

– Что это? – спросил я.

Жилые кварталы Сталинграда под немецкой бомбардировкой

Командир роты старший лейтенант Василий Большешапов дал мне бинокль. Смотрю – и не верю своим глазам. Над городом в два, три, четыре «этажа» – немецкие бомбардировщики, истребители, штурмовики, тяжелые бомбардировщики. С разных высот они вываливают свой бомбовый груз на город. Вереницы пикировщиков ныряют в гущу дыма и огня над центром, и там поднимаются новые столбы красной кирпичной пыли и огня.

Неужели же там есть еще люди, и как они держатся, сражаются, просто хотя бы живут, дышат?!

– Сталинград выдерживает очередную атаку с воздуха, – как бы отвечая на мой вопрос, пояснил командир роты. И, помолчав, добавил: – Мы идем туда, поэтому, морячки, сегодня же начнем готовить вас к действиям в тех условиях.

Сразу же объявили тему трехдневных занятий: подготовка к уличным боям.

С особым усердием тренировались моряки на занятиях. Работали штыком, ножом, лопатой, метали гранаты, ползали, бегали. Каждый понимал – эта наука нужна.

Рукопашные «схватки» иногда переходили чуть ли не в настоящие драки, в горячах даже разбивали один другому носы. Наш командир роты готовил своих людей не на парад.

Сейчас он сидел на возвышенности, раскинув согнутые в коленях ноги: каблуки сапог, подбитые толстыми металлическими косяками, глубоко зарылись в землю; широкие загорелые ладони устало лежали на коленях.

Большешапов был доволен: учения идут по плану, матросы уже умело ловят летящую гранату и метко швыряют ее обратно в траншею, где маячат чучела.

– С такими моряками, Степан, мы любому фашисту голову свернем! – вырвалось у Большешапова, когда возле него остановился замполит Кряков.

Тем временем я в глубокой траншее разучивал приемы боя лопатой против врага, вооруженного автоматом. Моим противником был солдат Реутов. Матросы стояли на бруствере, внимательно смотрели. И вдруг Реутов изловчился и саданул в меня очередь. Конечно, патроны были холостые.

Чтобы показать прием, надо было пропустить по траншее каждого. Результаты оказались хорошие: со второго захода «поражений» почти не было.

В самый разгар «схватки» возле нас остановилась легковая машина. Из нее вышел маленького роста, щуплый человек, на петлицах – малиновые ромбики. Это был наш дивизионный начальник, бригадный комиссар Константин Терентьевич Зубков. Спокойно покуривая папиросу, он смотрел в середину круга, где шел поединок.

Старший лейтенант Большешапов отбивал нападение нашего мичмана Ровнова. Мичман явно сильнее старшего лейтенанта: ростом выше, руки длиннее, шире в плечах. Туго приходилось Большешапову, но тренированность, знание оборонительных приемов делали его неуязвимым. Как пружина сожмется, мгновенно отбросит противника, и все начинается сначала. Нашла коса на камень. Кто же кого?

Матросам хотелось, чтобы победил мичман, но солдаты уверенно говорили, что их «старшой» и не таких обламывал.

Вот мичман и старший лейтенант снова пошли на сближение. Рывок, еще рывок – и мичман запутался в своих широких брюках. Большешапов наступил ногой на морской клеш, толкнул плечом мичмана в правый бок, и тот, потеряв равновесие, грохнулся.

Отходя в сторону, вытирая потное лицо носовым платком, командир роты сказал:

– Вот так из-за широких штанов можно жизнь потерять, – и только теперь увидел бригадного комиссара. – Р-рота! – он хотел подать команду «смирно», но бригадный комиссар прервал его:

– А разве армейское обмундирование вы не получили?

Командир роты смутился: не хотелось ему подводить моряков под «разнос». Но делать нечего, вынужден был доложить:

– Матросы армейское обмундирование получили полностью, но еще не переоделись.

Все ждали, что скажет бригадный комиссар, он попыхивал папиросой, пускал кольцами дым да молча посматривал на нас.

«Чего он ждет?» – думал каждый про себя, но вслух сказать не осмеливался.

Наконец комиссар стряхнул пепел с папиросы и спросил:

– Так, говорите, жалко вам с морской формой расставаться? – И, помолчав, ответил на свой вопрос: – Конечно, жалко! А с боевыми кораблями, на которых вы по пять-шесть лет служили, разве не жаль было расставаться? Да, вылетели вы, орлы, из родного гнезда. Мы ведь знаем: матросы – орлы! – Комиссар помолчал. – Вылетели, но из виду не скрылись. Ваши товарищи-матросы, командиры ваши флотские за вами следят, думают о вас: как-то они там? Провожали они вас на фронт, как родных. Провожали, как верных сынов Тихоокеанского флота, преданных партии, народу, геройских и дисциплинированных! Так где же ваша флотская дисциплина?

А побеждает, между прочим, та армия, в которой, кроме всего, высокая дисциплина и организованность, где приказ командира – для всякого закон, где бы он ни служил: на флоте ли, пехотинцем ли, артиллеристом. Личным желаниям, прихотям, рассуждениям тут места нет. Придется вам, матросы, сменить форму...

Лицо бригадного комиссара было чуть бледно, левая рука зацепилась за португепю, а правая, пока он говорил, все время была в движении: то поднималась резко, то снова опускалась.

Мы стояли и слушали молча, позабыв о куреве. На душе обида: неужели придется снимать клеши, надевать солдатские узенькие штанишки, обмотки. Но понимали – прав комиссар.

А там, вдали, полыхал Сталинград...

Мы всматривались в большие черные дымы, которые поднимались высоко в небо.

Тяжело гремела артиллерия, в разрывах облаков то и дело мелькали черные самолеты. Слышались тяжелые взрывы бомб.

Вечером мы развязали вещевые мешки и через час превратились в красноармейцев. Новое обмундирование торчало, дыбилось, пузырилось. Родная форма теперь лежала в вещевых мешках.

Лишь тельняшки остались под гимнастерками.

Глава 3. Переправа

Началась погрузка в машины. Командир второго батальона капитан Котов, широко расставив толстые короткие ноги, то и дело посматривал на большие наручные часы в белом никелированном корпусе.

В стороне, метрах в десяти от комбата, кучкой стояли красноармейцы – связные от каждой роты. Среди них был и я – связной пулеметной роты. Мы еще не успели познакомиться с вновь назначенным командиром батальона и не знали, как держаться в его присутствии.

Он же на нас как будто не обращал внимания. Старшего между нами, связными, не было, все оказались вроде на равных.

Погрузка окончилась. Комбат вместе с медицинской сестрой сел на головную машину. Мы остались совсем без начальства. Тогда я решил: как старший среди всех по возрасту и по военному званию взять командование группой на себя.

Первое, что пришло мне в голову, – распустить всех по своим подразделениям.

– Как остановка, сразу бегите ко мне, – сказал я. – Моя машина вторая. Кто опоздает – пеняйте на себя. Это вам не учение, а война...

Стоявший рядом со мной солдат Пронищев заметил со смешком:

– Товарищ главстаршина, да вы еще не знаете, что такое война, а других пугаете.

Слова бывшего солдата сразили меня. Я на минуту растерялся, потом разобрала злость. Повернулся, крикнул Пронищеву:

– За мной!

Места в машине нам достались самые плохие. Мы сидели около заднего борта, вся пыль оседала на нас. Настроение скверное, злость еще не улеглась.

– Ты только, товарищ главстаршина, не злись, – заговорил Пронищев. – Не люблю, когда человек говорит то, чего не знает. Я вот, допустим, тракторист, а начал бы рассказывать летчику про самолет. Смешно! А война... Я вот тебе расскажу немного и про связных тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.